ПИСЬМА
ЖУКОВСКОГО
деф. нет стр. 9-16

1840-51

E 63/145

ПИСЬМА

В. А. ЖУКОВСКАГО.

къ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ.

1840—1851.

(Изъ Русскаго Архива).

Не хватаетъ страниц
9—16.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, домъ Воейкова.
1867.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО.

ПИСЬМА

В. А. ЖУКОВСКАГО

КЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ.

(Изъ Русскаго Архива 1867 года.)

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. ГИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОР., ДОМЪ ВОЗЙКОВА.
1867.

Дозволено цензурою. Москва, 28 Октября 1867 г.

2007099080

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Счастливый случай ознакомилъ насъ съ предлагаемыми здѣсь письмами. Жуковскій вошелъ въ переписку съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, когда Его Высочеству было не болѣе тринадцати лѣтъ. Для упражненія въ письменномъ слогѣ и вообще въ правильномъ изложеніи мыслей, возложена была на Великаго Князя обязанность написать въ каждое воскресенье письмо къ какому нибудь знакомому отсутствующему лицу. Эти урочныя воскресныя упражненія были отроку вовсе не по нраву, и онъ порядочно ими тяготился. Наконецъ дошла очередь и до Жуковскаго: нужно было сочинить письмо и на имя его. Отвѣтъ Жуковскаго такъ порадовалъ Великаго Князя, такъ пришелся ему по сердцу, что возбудилъ въ немъ желаніе продолжать эту переписку. Изъ заказной и невольной обратилась она въ удовольствіе и въ пріятную привычку. Вотъ исходная точка и основа писемъ, которыя нынѣ предлагаются любопытству

и вниманію читателей. Послѣднее изъ нихъ писано не за долго до кончины Жуковскаго. Подлинники тщательно и съ любовью хранятся у Великаго Князя.

Первыя письма имѣютъ характеръ болѣе педагогическій. Но далѣе и далѣе онѣ становятся все разнообразнѣе и богаче сужденіями о многихъ предметахъ. Онѣ, такъ сказать, растутъ въ занимательности и во внутренней важности содержанія своего вмѣстѣ съ годами того, къ кому онѣ писаны. Въ нихъ отзывается и обнаруживается обмѣнъ мыслей и мнѣній. Сюда входитъ и поэзія, и нравственность, и политика съ своими воззрѣніями на исторію Россіи прошедшую, настоящую и будущую; входятъ и религіозныя понятія, которыя такъ ясно и глубоко просвѣтлѣли въ умѣ и душѣ Жуковскаго, особенно въ послѣдніе года жизни его. Изъ этихъ писемъ узнаемъ новыя стороны его замѣчательной и привлекательной личности. Въ Жуковскомъ доселѣ знали поэта и нравственно-чистаго человѣка. Въ этихъ письмахъ поэтъ остается поэтомъ; нравственный благодушный человѣкъ проглядываетъ, такъ сказать, еще полнѣе, еще убѣдительнѣе во всемъ мужественномъ достоинствѣ ума неза-

висимаго и зрѣлой опытности. Но для многихъ могло быть неизвѣстнымъ и даже невѣроятнымъ, чтобы онъ такъ проницательно, такъ глубокомысленно могъ обнимать и такъ вѣрно оцѣнивать событія и важные вопросы, которые озабочивали и волновали современную жизнь. Поэтическою душою своею уединившись, весь углубившись въ первобытный міръ любезнаго своего Гомера, онъ внимательно и сердобольно слѣдитъ и за событіями дѣйствительнаго міра, который окружаетъ его. Онъ строгій судія многихъ изъ этихъ событій. Онъ любитъ и уважаетъ свободу, но онъ любитъ и порядокъ, который опирается на законахъ божественныхъ, государственныхъ и нравственныхъ, безъ которыхъ не можетъ быть свободы, а будетъ одно слѣпое своеволіе. Укажемъ въ свидѣтельство тому на сужденія его о революціи, о теоріи и практикѣ, о движеніи и застоѣ, и на другія мѣста изъ писемъ его. Все глубокомысленно обдумано и все живо и своеправно выражено. А сужденія его о Петрѣ Великомъ? Мысли его о Петербургѣ и Москвѣ въ сопоставленіи съ Константинополемъ? Мечтанія его, pia desideria, о Іерусалимѣ и окончательномъ освобожденіи Гроба Господня, безъ новыхъ кресто-

выхъ походовъ, безъ кровопролитія, безъ ужасовъ рѣдко предвидимыхъ, но всегда пагубныхъ случайностей войны? Это, пожалуй, несбыточный сонъ, но какъ бы то ни было—прекрасная мечта поэтической и христіанской души.

Какой вездѣ строгій, спокойный смыслъ въ сочетаніи съ душою теплою и любящею! Въ другихъ отношеніяхъ, въ сферѣ другихъ понятій и впечатлѣній—что за свѣжесть и ясность чувства!

Вмѣстѣ съ письмами Карамзина къ императору Александру I-му и царскому его семейству, и настоящія письма вносятъ новыя сокровища въ литературу нашу и новый свѣтъ въ область нашего гражданскаго быта. Люди, службою или обстоятельствами приближенные ко двору, такъ называемые царедворцы, были всегда предметомъ строгихъ пересудовъ и нареканій со стороны людей, которыхъ обстоятельства удаляли отъ двора. Когда на придворныхъ и не было неопровержимыхъ уликъ, когда и нельзя было обвинить ихъ въ томъ или другомъ проступкѣ, не менѣе того оставались и остаются они поголовно въ *сильномъ подозрѣніи*. Не ручаемся за нравственную твердость и чистоту всѣхъ царедворцевъ, бывшихъ, нынѣ существующихъ и будущихъ: они

ромъ, каждый изъ насъ долженъ дѣлать для того, чтобы быть *человѣкомъ* въ настоящемъ значеніи этого слова. И ничего не можетъ быть выше на землѣ, какъ царь или сынъ царя, достойный имени человѣка.

Мое письмо сдѣлалось длинно. Если что въ немъ для васъ покажется непонятнымъ, прошу васъ въ слѣдующемъ письмѣ потребовать на то объясненія. Предметъ этого письма стоитъ того, чтобы имъ заняться съ особеннымъ вниманіемъ. Простите, обнимаю васъ отъ всего сердца.

В. Жуковскій.

$^{10}/_{22}$ Декабря 1840 г.

III.

Извините меня, Ваше Высочество, что не тотчасъ отвѣчалъ на письмо ваше. Оно не нашло меня дома, а послѣ не было времени. Благодарю за Ваши пріятныя строки и очень радъ, что между нами начинается переписка; это дастъ намъ средство сдѣлать тѣснѣе тотъ союзъ, который уже произвели между нами обстоятельства, такъ сказать, безъ нашего участія. Теперь же этотъ союзъ можетъ сдѣ-

латься *произвольнымъ*, основаннымъ на согласіи мыслей и чувствъ, словомъ можетъ быть *дружескимъ* союзомъ. Это правда, дружба можетъ существовать только между равными, а я Васъ въ четверо старѣе годами. Но молодость не мѣшаетъ Вамъ имѣть качества любезныя и даже достойныя уваженія. Видя Васъ часто въ близи, я конечно знаю и Ваши качества; но они болѣе выразятся для меня въ Вашихъ письмахъ, и въ такомъ случаѣ мнѣ возможнѣе будетъ усилить мое къ Вамъ чувство, познакомясь короче и болѣе *личнымъ* образомъ и съ мыслями Вашими, и съ чувствами. Вы видите изъ этого, что тутъ и дружба къ Вамъ весьма не далеко; разумѣется, не та дружба, которую производитъ тѣсное товарищество жизни, а та, которая происходитъ отъ добрыхъ свойствъ и отъ размѣна (искренняго) добрыхъ мыслей и чувствъ. Переписка въ такомъ случаѣ большой помощникъ. По характеромъ такой переписки должны быть непринужденность, откровенность и въ тоже время обдуманность. Все это со временемъ выйдетъ изъ нашей переписки: начнемъ съ малаго, а кончимъ большимъ.

Я могъ бы сдѣлать нѣкоторыя за-

мѣчанія на письмо Ваше, но откладываю это до другаго времени, ибо теперь мнѣ некогда, а не хочется оставить Вашего письма безъ отвѣта.

Вашъ старый другъ Жуковскій.
16 Декабря 1840.

IV.

Я у васъ въ долгу, мой милый Великій Князь; мнѣ надобно расплатиться. Отвѣчаю на послѣднее письмо Ваше. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ изъ него, что написанное мною было прочитано Вами со вниманіемъ: Вы сдѣлали мнѣ нѣсколько замѣчаній, о которыхъ мнѣ будетъ весьма пріятно поговорить съ Вами. Сравненіе, мною употребленное въ письмѣ моемъ, напомнило Вамъ о *Геркулесовомъ выборѣ*; но эта древняя аллегорія изображаетъ нашу жизнь вообще, и Вамъ еще нельзя примѣнить ее къ своей жизни. Въ этой аллегоріи выражается та рѣшительная минута, въ которую человѣкъ, *готовый* вступить на поприще дѣятельности, развившійся вполнѣ, и физически и нравственно, словомъ Геркулесъ душою и тѣломъ, долженъ вдругъ обозрѣть и всѣ свои *знанія* и всѣ свои *силы* и, разглядѣвъ ясно вда-

ли ту *цѣль*, къ которой ему на землѣ предназначено стремиться, долженъ *избрать* ту *дорогу*, которая вѣрнѣе приведетъ его къ сей предназначенной цѣли. Такого выбора еще Вы сдѣлать не можете; ибо Вы еще не имѣете ни нужныхъ для того знаній, ни тѣхъ силъ, которыя даетъ намъ одна только твердая воля и долговременная привычка. Да Вамъ еще и не время приступать къ такому выбору; теперешняя эпоха вашей жизни есть эпоха *приготовительная*; вы еще не Геркулесъ—но помните, что вамъ надобно будетъ имѣть силы Геркулесовы въ минуту рѣшительнаго выбора. И такъ готовьтесь заранѣе, дабы не найти себя слабымъ и безоружнымъ въ ту минуту, когда потребуется выступить въ трудную битву, которой развязка должна быть—или заслуженная слава, или заслуженное посрамленіе. И такъ (чтобы продолжать нашу аллегорію) Вы теперь еще не на дорогѣ дѣятельной жизни; Вы только на дорогѣ къ тому *пункту*, на коемъ надобно будетъ сдѣлать этотъ рѣшительный Геркулесовъ выборъ и отъ котораго начнется дѣятельная жизнь, —бой не на животъ, а на смерть, за чистую славу Къ этому пункту на-

добно придти съ *запасомъ*. Въ чемъ состоитъ этотъ запасъ? Во первыхъ въ *сильной волѣ*, то есть въ томъ великомъ могуществѣ души, которымъ мы побѣждаемъ наши желанія всякій разъ, когда они противятся нашему долгу, которымъ мы все низкое приносимъ въ жертву высокому; во вторыхъ *въ знаніи*, то есть въ томъ истинномъ просвѣщеніи ума, которымъ всѣ наши понятія, всѣ наши свѣдѣнія приведены такъ сказать къ одному знаменателю, къ одному главному знанію, къ знанію *долга* вообще и къ знанію *нашего назначенія* въ особенности. *Средство скопить* въ теченіи времени къ надлежащему сроку такой запасъ состоитъ въ *привычкѣ*: съ одной стороны, въ привычкѣ *дѣйствовать собственнымъ умомъ* (относительно пріобрѣтенія знаній), съ другой стороны въ привычкѣ *дѣйствовать своею волею* (относительно утвержденія нашего въ доброй нравственности). Эта привычка вдругъ не дается, она пріобрѣтается мало-по-малу; но случаи пріобрѣтать ее представляются намъ ежедневно. Ежедневно въ маломъ мы должны дѣлать Геркулесовъ выборъ; ежедневно бываемъ обязаны предпочитать то, что̀ мы должны то-

му, чего мы желаемъ. Кому нынче, завтра и послѣ завтра удалось одержать надъ своимъ желаніемъ побѣду. въ томъ уже положено начало привычки. Эта привычка утвердится нѣсколькими успѣшными опытами, а съ утвержденіемъ привычки облегчится и самая борьба, и сдѣлается легче побѣда; наконецъ воля пріобрѣтетъ надлежащую силу и сдѣлается непобѣдимою. Что же *нужно* для пріобрѣтенія привычки? Во первыхъ, *рѣшимость*, одинъ разъ навсегда принятая, *дѣйствовать* какъ должно; во вторыхъ, *постоянное исполненіе* на *дѣлѣ* того, на что одинъ разъ рѣшился въ умѣ и совѣсти. Сверхъ того, нужно *знать* свои недостатки, дабы заблаговременно ихъ *искоренять* и не дать имъ обратиться въ пороки; нужно знать и *свои добрыя свойства*, дабы ихъ *усилить*, дабы наконецъ пріобрѣсти то, что́ называется святымъ именемъ *добродѣтели*. Но основа всему и самый сильный помощникъ нашъ въ пріобрѣтеніи всѣхъ благъ душевныхъ есть вѣра въ Бога и въ Спасителя, Имъ намъ ниспосланнаго: съ сею вѣрою душа очищается, становится сильнѣе въ добрѣ, снова подымается (если, по слабости, случается ей упасть), сохраня-

еть свое достоинство въ здѣшней жизни при счастіи и при несчастіи и становится достойною жизни будущей, высшей.

До сихъ поръ я говорилъ вообще. Теперь вопросъ: какъ примѣнить это общее къ Вамъ въ особенности? *Начните съ малаго.* Не загадывая слишкомъ впередъ, думайте о каждой минутѣ вашей жизни. Если чувствуете себя способнымъ къ нѣкоторой т ердости, то дайте самому себѣ *твердое слово* дѣлать всегда (во чтобы то ни стало) то, что́ велитъ должность, и давши одинъ разъ себѣ такое слово, старайтесь быть всегда ему вѣрнымъ. А чтобы это было возможно вамъ исполнить, *замѣчайте за самимъ собою*, дабы всегда вспомнить данное себѣ обѣщаніе *во́-время*, то есть всякій разъ, когда представится вамъ необходимость сдѣлать выборъ между тѣмъ, чего вы желаете и тѣмъ, что́ вы должны. Вспомнивъ во-время обѣщанное, Вы во-время себя и воздержите. А послѣ нѣсколькихъ подобныхъ успѣховъ начнется и привычка. Только не надобно слабѣть, а идти всегда твердымъ и ровнымъ шагомъ впередъ; и не терять бодрости, если иногда случится и неудача. Здѣсь бы могъ я

разсказать Вамъ объ одномъ великомъ человѣкѣ, который былъ образцомъ чистой, добродѣтельной жизни, и о томъ, какое простое, можно сказать, дѣтское средство употребилъ онъ, чтобы дойти до великаго нравственнаго совершенства. Но думаю, что для Васъ еще рано употребить для самого себя такое средство: Вы еще не имѣете нужной для этого твердости. Я сообщу Вамъ его тогда, когда на самомъ опытѣ будетъ доказано, что Вы уже умѣете владѣть собою и что на добрую Вашу волю Вы имѣете право положиться. Желаю сердечно, чтобы Ѳедору Петровичу или мнѣ довелось когда нибудь говорить съ Вами объ этомъ простомъ средствѣ.

Возвращаю вамъ ваше письмо къ Ѳ. П. и его отвѣтъ, который совѣтую перечитывать, дабы то, что̀ написано въ немъ, исполнить на дѣлѣ. Вашъ всѣмъ сердцемъ Жуковскій.

29 Декабря 1840.

V.

Я отвѣчаю поздно на три письма Ваши, мой милый Великій Князь. Не пѣняйте мнѣ. Мои теперешнія обстоятельства могутъ служить мнѣ из-

вниманіемъ. Сверхъ того, зная, что Вы были въ отлучкѣ, я ожидалъ отъ Васъ извѣстія о Вашемъ возвращеніи. Наконецъ послѣднее письмо Ваше увѣдомило меня о вашемъ прибытіи въ Петербургъ и о благополучномъ совершеніи Вашихъ морскихъ подвиговъ. Но это письмо получилъ я въ самую минуту моего отъѣзда изъ Франкфурта на Майнѣ, откуда я отправлялся къ роднымъ жены моей въ замокъ Виллингсгаузенъ, находящійся во владѣніяхъ Гессенъ-Кассельскихъ. Вотъ уже два дни, какъ я здѣсь. Спѣшу Вамъ отвѣчать и поблагодарить Васъ за Ваши милыя письма. Особенно благодарю за второе письмо, въ которомъ Вы хотя коротко, но прекрасно описываете мнѣ нѣкоторые предметы, поразившіе Васъ во время Вашего путешествія. Ваша правда: маленькій домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ есть святыня; въ него, какъ Вы говорите, всякій, даже и не Русскій, входитъ какъ въ церковь, въ которой, хотя она въ развалинахъ, ощутительно присутствіе божественнаго. Я помню минуты, которыя провелъ я одинъ въ этой низенькой хижинѣ, сидя, съ какимъ то страхомъ благоговѣнія, на томъ мѣстѣ, на которомъ сидѣлъ нѣ-

когда нашъ Петръ съ великими мыслями о Россіи. Мнѣ какъ будто казалось, что величественная тѣнь его стояла надо мною. Стихи, мною написанные, не выражаютъ того, что́ въ эту минуту было у меня въ головѣ и сердцѣ и отъ чего спиралось дыханіе въ груди моей (*). Но они останутся памятникомъ минуты, важной для Россіи; минуты, въ которую Правнукъ Петра пришелъ на поклоненіе освященному имъ мѣсту. Самое радостное, самое безкорыстное чувство, возвеличивающее человѣческое сердце, есть благодарность царю созидателю, прославителю или миротворцу своего вѣка, утвердителю блага въ настоящемъ и приготовителю бо́льшаго блага въ будущемъ. Въ этомъ чувствѣ и разноплеменники становятся родными братьями: и не **Русскій благоговѣетъ** съ благодарностью передъ памятью Петра въ Сардамѣ. Петръ есть для насъ представитель зиж-

---

(*) Вотъ это четверостишіе:

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій Князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи Твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

дущей силы; ему надо было провести острый плугъ по дикой почвѣ Россіи, взрѣзать нетронутую землю и разбить въ мягкую пашню огромныя твердыя глыбы; но онъ же въ эти борозды, съ великимъ усиліемъ приготовленныя, бросилъ и первыя обильныя семена, изъ которыхъ вышла богатая жатва для его потомковъ. Онъ облегчилъ царственный трудъ для своихъ наслѣдниковъ. Въ наше время, посреди порядка имъ приготовленнаго, не нужны уже тѣ жертвы, кои онъ долженъ былъ приносить великимъ своимъ намѣреніямъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Теперь, когда все главное устроено, Русскому царю легко быть справедливымъ, благостнымъ и умѣреннымъ, ибо уже нѣтъ нужды бороться съ дикостью невѣжества и бѣшенствомъ предубѣжденія. Справедливость царя бережетъ нравственность народа; его благость есть порука за вѣрность подданныхъ, которая вся основана на любви; а умѣренность есть тихій, но постоянный и надежный зиждитель общаго порядка.

Сдѣлаю здѣсь замѣчаніе на одно мѣсто письма Вашего. Вы говорите: *въ галлереѣ* (въ Гагѣ) *есть много хорошихъ картинъ Рембрандта* и пр., *но я не судья*

по этой части. Я былъ бы доволенъ послѣднею фразою, когда бы Вы сказали: еще не можете опредѣлять достоинства высшихъ произведеній искусства. Но Вы, какъ Великій Князь, то есть, какъ назначенный имѣть вліяніе на цѣлый народъ, должны имѣть обо всемъ ясное понятіе, должны принимать участіе во всемъ, что̀ входитъ въ составъ общественной жизни. Одинъ строгій порядокъ, вслѣдствіе коего все на своемъ мѣстѣ, еще не составляетъ благоденствія общественнаго. Онъ (т. е. порядокъ) необходимъ для его (т. е. благоденствія) существованія; но онъ его еще не производитъ. При *порядкѣ* должна быть *жизнь*. Порядокъ есть и на кладбищѣ, и тамъ ничто его не нарушаетъ, но это порядокъ гробовъ. Чтобы было въ государствѣ *благоденствіе*, необходимо нужно, чтобы все, что̀ составляетъ жизнь души человѣческой, цвѣло безъ всякаго утѣсненія (но цвѣло и безъ нарушенія порядка). Изящныя искусства украшаютъ жизнь; чувство изящнаго есть одно изъ высокихъ качествъ души человѣческой; безъ этого чувства человѣкъ глухъ, нѣмъ и слѣпъ посреди великаго Божія міра, гдѣ въ *прекрасномъ* выражается Богъ, недоступный уму, но вѣдомый

сердцу. Не говорите же, когда дѣло идетъ объ искусствѣ: *я не судья по этой части*. Не пренебрегайте тѣмъ, что́ облагораживаетъ душу. Оно нужно Вамъ, какъ *человѣку*, нужно какъ *царскому сыну*, который съ своего высокаго мѣста, самъ доступный любви къ прекрасному, долженъ своимъ вліяніемъ разливать сію любовь и посреди того общества, на которое Богъ опредѣлилъ ему имѣть обширное вліяніе. Объ этомъ подробнѣе будемъ говорить съ Вами въ другихъ письмахъ. Теперь я долженъ кончить, ибо надобно письмо отправить на почту. Я не успѣлъ ничего сказать Вамъ о самомъ себѣ. Если Вы любопытны знать нѣкоторыя обо мнѣ подробности, то ихъ сообщитъ Вамъ Государь Наслѣдникъ, къ которому я имѣлъ счастіе писать. Скажу Вамъ въ немногихъ словахъ, что я совершенно счастливъ въ новой, смиренной, семейной жизни моей. Благодарю за нее ежедневно Бога. Благодарю Бога и за то, что съ сладостнымъ чувствомъ этого счастія могу сливать безпрестанно непзъяснимо-радостное чувство, что имъ обязанъ моему доброму, благотворительному Государю. Хотя я и далеко отъ Васъ, но здѣсь, въ моей семьѣ, всякій разъ.

когда я радуюсь тѣмъ, что́ теперь составляетъ сокровище моей жизни, эта радость принимаетъ на себя лице Императора, Императрицы, моего добраго Великаго Князя. Они для меня все устроили, и изъ ихъ благотвореній самое сладостное есть именно то, что имъ, которымъ посвящена была жизнь моя, могу въ полнотѣ души быть благодарнымъ. Простите, мой милый, безцѣнный Великій Князь, продолжайте трудиться съ прежнимъ вашимъ постоянствомъ, готовясь къ вашему великому званію. Не лѣнитесь писать ко мнѣ, и я буду отвѣчать Вамъ съ величайшимъ удовольствіемъ на Ваши письма и искренно дѣлиться съ Вами и чувствомъ и мыслію. Моя жена съ сердечною благодарностью приняла ваше милостивое о ней воспоминаніе. Прошу васъ сказать мое глубочайшее почтеніе ихъ Высочествамъ Государынямъ Великимъ Княжнамъ; особенно прошу сказать Ея Высочеству Александрѣ Николаевнѣ, что поэма, которой посвященіе ей угодно принять, готова въ чернѣ; что я принимаюсь ее переписывать, и что она, по напечатаніи, будетъ представлена Ея Высочеству (*).

(*) Поэма эта есть „Наль и Дамаянти“.

Постараюсь, чтобъ мое пребываніе за границею не осталось безплоднымъ для Русской литературы. Теперь пока я вполнѣ живу семейной жизнію, для меня новою; но впереди, какъ ясная звѣзда—возвращеніе на родину. Между тѣмъ примусь скоро за новый трудъ. Прошу обнять за меня милыхъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей; они бы несказанно меня обрадовали, когда бы каждый хотя по двѣ строки ко мнѣ написали.

Вашего Императорскаго Высочества преданный всѣмъ сердцемъ

Жуковскій.

5 (17) Сентября, 1841.
Замокъ Виллингсгаузенъ,
въ Гессенъ-Кассельскихъ владѣніяхъ.

VI.

Благодаря Ваше Высочество за любезное письмо, въ тоже время сердечно поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, который здѣсь на Рейнѣ уже начался, а для насъ черезъ четыре дни наступитъ. До сихъ поръ встрѣчали мы его вмѣстѣ, теперь Богъ мнѣ судилъ отъ Васъ удалиться; но это меня съ вами не разлучило: всегда и вездѣ помню Васъ, всегда и вездѣ рав-

но люблю Васъ. Но въ нѣкоторые дни года это воспоминаніе становится живѣе, и тогда чувство, похожее на тоску по отчизнѣ, влечетъ меня въ Вашъ кругъ, въ которомъ я всегда чувствовалъ себя совершенно счастливымъ: ибо сердце мое Васъ нѣжно любило, и мысль, что жизнь моя полезна для тѣхъ, кто милы сердцу, давала мнѣ особенную радость. Теперь конечно моя особенная дѣятельность перемѣнила свое назначеніе, но прежняя любовь жива въ сердцѣ и никогда въ немъ не охладѣетъ. Чего пожелать мнѣ Вамъ въ первый день года? По настоящему этотъ день такой же, какъ всѣ другіе, но онъ имѣетъ для насъ значеніе глубокое. Мы не дорожимъ минутами; мы также мало считаемъ ихъ, какъ обороты колесъ, которыхъ стукъ намъ слышится, не пробуждая нашего вниманія, когда мы переносимся изъ одного мѣста въ другое. Не успѣешь оглянуться, какъ уже минуты, быстрыя, неуловимыя минуты, слились всѣ въ одинъ прошедшій день. Мы такъ же мало считаемъ и дни: не успѣешь осмотрѣться, какъ 365 дней слились въ одинъ прошедшій годъ. Но конецъ года имѣетъ что-то разительное, что-то таинственное.

Тутъ уже невольно мысль обращается на жизнь, на ея важное знаменованіе, на ея быстроту, на ея конецъ и на то, что послѣ этого конца должно совершиться. Кому удастся 70 разъ проводить старый годъ и встрѣтить новый, тотъ уже старикъ; а много ли 70? Многимъ ли удается досчитаться до 100? И что жизнь между 70 и 100? Полусмерть. Мы обыкновенно встрѣчаемъ новый годъ и провожаемъ старый въ кругу родныхъ и ближнихъ. И въ послѣдній часъ стходящаго года чувствуешь что-то тѣснѣе съ ними соединяющее; живѣе радуешься тому, что еще всѣ тѣ кого любишь на лицо, и живѣе вспоминаешь о тѣхъ, которыхъ болѣе уже нѣтъ. Самый ходъ часовъ, механически вращающихъ ходъ времени, становится для слуха живымъ голосомъ: слышишь какъ будто шаги чего-то невозвратно уходящаго; а послѣдній бой двѣнадцатаго часа кажется послѣднимъ вздохомъ кончившагося года. Конечно, для Васъ, въ Ваши лѣта эта быстрота безостановочно-бѣгущаго времени еще не ощутительна. Отрочество беззаботно. Молодость полна надеждами. Передъ нею вся еще жизнь впереди; она богата годами и тратить

минуты и часы (составляющіе мелкую монету ея жизненнаго капитала), не считая ихъ; и думаетъ, что въ рукахъ ея кошелекъ неистощимый. Это характеръ живой, смѣлой молодости, и нѣтъ никакой нужды, чтобы свѣтлый взоръ ея омрачался печальною мыслью о скоротечности жизни: молодому лицу не пристали морщины заботливой старости. Но въ нѣкоторыя лѣта совершенная безпечность на счетъ времени уже не можетъ быть позволена; и, не думая о скоротечности, о невѣрности жизни, можно думать о важности настоящей минуты, которая сама собою исчезаетъ быстро, но останется вѣчно жива въ воспоминаніи, а эту вѣчную память минутѣ дастъ ея *употребленіе*. Вамъ 14 лѣтъ; Вы уже на порогѣ дѣятельной молодости, жизнь для Васъ въ цвѣту; но если счесть по пальцамъ, то уже и Вы истратили *болѣе пятой части* тѣхъ 70 лѣтъ, которыя составляютъ главный капиталъ жизни. На 15 году и во всякомъ званіи можно начать думать о разсчетливомъ, экономическомъ употребленіи минутъ и часовъ, обращающихся такъ быстро въ годы; а въ Вашемъ званіи, въ званіи Великаго Князя, эта разсчетливость становится строгою дол-

жностью. Вы обязаны скорѣе другихъ сдѣлаться зрѣлымъ человѣкомъ: обязаны передъ Богомъ, ибо Онъ назначилъ для васъ отборное мѣсто между людьми на землѣ, наложивъ за то на Васъ и отвѣтственность отборную; обязаны предъ своими современниками, ибо Вы стоите на виду, и Васъ уже судятъ, судятъ строго, и то что̀ остаявляется безъ вниманія въ жизни молодаго человѣка, скрытаго отъ взоровъ своимъ скромнымъ жребіемъ, то въ Вашей молодой жизни, обреченной великому, всенародному, поражаетъ вниманіе какъ пророчество (доброе или худое) будущаго, какъ признакъ добра или зла, которыя черезъ васъ должны быть со временемъ общими. Какъ ни жаль разбудить Васъ изъ золотаго, безпечнаго сна счастливыхъ младенческихъ лѣтъ, но, поздравляя Васъ съ новымъ годомъ, я долженъ сказать Вамъ: Пора! Великій Князь, дорожите минутами и часами, изъ нихъ творятся годы; а Ваши годы должны быть радостью Русскаго народа, его честію и пользою въ настоящемъ и славною страницею въ его исторіи. Принося Вамъ, мой милый Великій Князь, такое поздравленіе, изливающееся изъ любящаго Васъ сердца, съ радостною

увѣренностью, что оно отзовется въ Вашемъ и будетъ ему понятно, обнимаю Васъ нѣжно по прежнему моему обычаю. Надѣюсь, что Вы меня вспомните въ первый день года; думаю такъ же, что Вы вспомнили меня и 24 числа въ вечеру, на нашемъ миломъ Рожественскомъ праздникѣ. Простите!

Вашъ Жуковскій.

28 Декабря 1841.

Дюссельдорфъ.

P. S. Я просилъ Государя Наслѣдника поздравить отъ моего имени съ новымъ годомъ Ихъ Императорскія Высочества Великихъ Княженъ; прошу и Васъ объ томъ же. Сверхъ того, прошу Васъ сказать Ея Высочеству Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, что я готовилъ свою поэму, которую она позволила мнѣ посвятить ей, къ новому году. Поправивъ ее въ чернѣ, я принялся переписывать (что составило порядочный трудъ, ибо надобно было переписать болѣе 200 страницъ), но вотъ что вышло: переписавъ на бѣло, я перечиталъ ее и долженъ былъ еще разъ перемарать въ 50 мѣстахъ. Изъ этого вышла довольно пестрая рукопись. Надобно снова переписывать; здѣсь писаря Русскаго съ начала міра не бывало; надобно

самому приниматься за скучный трудъ, который конечно продолжится съ мѣсяцъ, и это отъ того, что у меня глаза хвораютъ. Послѣ обѣда и ввечеру при свѣчахъ не могу ни читать, ни писать, и чтобы не испортить глазъ совсѣмъ, долженъ себѣ въ этомъ отказывать. Во всякомъ случаѣ это посвященіе, хотя придетъ и поздно, будетъ подаркомъ на новый годъ, который теперь же кладу къ стопамъ Ея Высочества.

VII.

Мнѣ было несказанно пріятно получить отъ Вашего Высочества письмо, не имѣвши отъ Васъ такъ долго ни словечка и самъ не писавши Вамъ такъ долго. Благодарю Васъ. Благодарю также и за портретъ, который еще въ дорогѣ и которымъ я заранѣе радуюсь. Изъ письма Ѳедора Петровича вижу, что онъ не одинъ, что съ нимъ и портреты В. В. К. К. Николая и Михаила Николаевичей. Прошу Васъ ихъ за меня усердно поблагодарить. На чужѣ такой подарокъ еще дороже: видѣть милыхъ отсутствующихъ однимъ воображеніемъ недостаточно. Желаю сердечно, чтобы пор-

треты были сходны. Какъ, то есть съ кѣмъ и когда они посланы?

Ваше письмо очень любезно; но жаль, что Вы мало подробностей сообщили мнѣ о событіяхъ нынѣшняго Вашего года. Онъ былъ дѣятельнѣе прошедшаго. Вы гораздо болѣе познакомились съ моремъ и видѣли болѣе нежели прежде на сушѣ. Мнѣ было бы пріятно прочесть реляцію, вами написанную, съ минуты отправленія изъ Петербурга до минуты возвращенія въ отечественную пристань. Также желалъ бы знать, какъ Вы живете въ Царскомъ Селѣ? Что дѣлается и что обыкновенно бываетъ по вечерамъ? Какъ Вы теперь размѣщены съ тѣхъ поръ, какъ Наслѣдникъ занимаетъ покои въ большомъ дворцѣ и вообще что́ новаго въ вашемъ теперешнемъ образѣ жизни противъ прежняго, дабы я могъ издали знать и видѣть мысленно *что* и *гдѣ* у васъ дѣлается? Въ публичныхъ листахъ извѣстій о Россіи искать нельзя: они врутъ безъ памяти; но одни врутъ съ цѣлью, а другіе, принимая вранье за чистыя деньги, повторяютъ его съ недоброжелательствомъ. Эта ненависть къ Россіи, безъ особенной причины, есть замѣчательный феноменъ нашего

времени. Я говорю здѣсь о ненависти тѣхъ, кои хотятъ управлять общимъ мнѣніемъ и употребляютъ на то книгопечатаніе. Это бѣшенство, съ какимъ нѣкоторые газетчики на насъ клевещутъ, означаетъ только то, что Россія есть для нихъ самый твердый и потому самый ненавистный представитель того порядка, который они, представители такъ называемаго движенія, опрокинуть стараются. Движеніе святое дѣло: все въ Божіемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не можетъ и не должно стоять. *Неподвижность* есть *смерть*, непримѣтная, тихая, но все смерть, производящая только гниль. *Движеніе*, развитіе порядка, постоянное, мирное, безъ потрясеній, но безпрестанное, есть *жизнь*. Но то что эти господа называютъ движеніемъ, есть *разрушеніе*, насильственная смерть. Результатъ одинъ и тотъ же: отъ *неподвижности* гниль, отъ *разрушенія* развалины, и тамъ и тутъ *смерть*. *Жизнь* между тѣмъ и другимъ. *Останавливать* движеніе или насильственно *ускорять* его (т. е. въ обоихъ случаяхъ *мѣшать* жизни) равно погибельно. Это равно справедливо и въ жизни частнаго человѣка, и въ жизни народа. Государи и князья

(между сими послѣдними и *Великіе Князья*) живутъ, можно сказать, двойною жизнью: и народною, и своею. Какъ *простые люди*, они должны понимать свое время, должны поставить себя на высоту своего вѣка своимъ всеобъемлющимъ просвѣщеніемъ, своею непотрясаемою правдою, основанною съ одной стороны на святой любящей правдѣ Христа, а съ другой на строгой правдѣ закона гражданскаго. Какъ *представители народа*, они должны жить его жизнію, т. е. уважать его исторію, хранить то что́ создали для него вѣка, и не самовластно, а слѣдуя указаніямъ необходимости, измѣнять то, что́ эти же творческіе вѣка измѣнили и что́ уже само собою стоять не можетъ. Однимъ словомъ, движеніе тихое есть *порядокъ* и *благодѣтельство*, движеніе насильственное есть *революція*; а всякая революція губитъ *настоящее* въ пользу *будущаго*, которое никогда не бываетъ такимъ, какимъ хотятъ создать его разрушители настоящаго. Но я далеко ушелъ отъ газетчиковъ, нападающихъ на нашу Святую Русь. Оставимъ ихъ въ покоѣ: *они* нашего покоя не разрушатъ.

Возвращаюсь къ самому себѣ, чтобъ дать вамъ отчетъ въ моей жизни.

весьма впрочемъ не богатой происшествіями. Въ ней нѣтъ ничего блестящаго, но я могу назвать ее счастливою. Я всегда видѣлъ возможное *земное* счастіе въ жизни семейной: теперь эту жизнь Богъ даровалъ мнѣ. Прошу Его, чтобъ Онъ и сохранилъ мнѣ даръ свой. Вы пишите о моемъ возвращеніи въ Россію и спрашиваете, скоро ли я возвращусь? Я этого не знаю. Государь, которому я всѣмъ обязанъ, осыпавъ меня милостями, безъ коихъ мнѣ было бы невозможно и подумать имѣть то, что теперь имѣю, позволилъ мнѣ жить согласно съ требованіемъ моихъ обстоятельствъ. Я поселился въ Дюссельдорфѣ не по выбору—здѣшняя сторона не имѣетъ ничего привлекательнаго (кромѣ развѣ академіи живописи); я поселился здѣсь подлѣ родныхъ моей жены и здѣсь проведу первое время семейной моей жизни, во первыхъ для того, чтобы безъ всякаго разсѣянія, собственно для себя, пожить своею тихою, смиренною, семейною жизнію, занимаясь на просторѣ литературою (въ этомъ отношеніи пока я сдѣлалъ еще весьма мало и до сихъ поръ жилъ спустя рукава, какъ говорится, но теперь пойдетъ дѣло иначе); во вторыхъ для

того, чтобы здѣсь *на чужѣ* приготовить свою жизнь *на родинѣ*, т. е., проживъ съ возможною экономіею нѣсколько времени, скопить столько, чтобы начать какъ должно свою домашнюю жизнь по возвращеніи въ милое отечество. Англичане, чтобы поправить свои разстроенныя дѣла, уѣзжаютъ на нѣсколько времени на континентъ и тамъ экономіею (которая становится легче *вни всѣхъ отношеній общественныхъ на чужѣ не существующихъ*) возстановляютъ то что разстроила жизнь въ отечествѣ. Я напротивъ хочу здѣсь на чужѣ *приготовить* свою жизнь на родинѣ, дабы съ самаго начала она не разстроилась и пошла добрымъ порядкомъ.

Сколько продолжится эта пригототельная жизнь, я не знаю; но всѣ мои планы будущаго относятся къ тому будущему, которое для меня только въ Россіи существуетъ и существовать можетъ. Между тѣмъ, какъ сказалъ выше, дамъ на просторѣ волю перу и можетъ быть (если что нибудь не разрушитъ моего мирнаго настоящаго) явлюсь къ Вамъ съ добрымъ запасомъ измаранной бумаги. Между тѣмъ стоустая молва не обманула Васъ: *я перевожу Одиссею*. Съ греческаго, спросите Вы?

Нѣтъ, не съ греческаго, а вотъ какъ: здѣсь есть профессоръ, знатокъ греческаго языка; онъ переводитъ мнѣ *слово въ слово* Одиссею, т. е. подъ каждымъ греческимъ словомъ ставитъ нѣмецкое. Изъ этого выходитъ нѣмецкая галиматья; но эта галиматья даетъ мнѣ порядокъ словъ оригинала и его *буквальный* смыслъ, поэтическій же смыслъ даетъ мнѣ нѣмецкій переводъ Фосса и нѣсколько другихъ переводовъ въ прозѣ, одинъ нѣмецкій и два французскихъ и еще одинъ архиглупый русскій (въ прозѣ). Изъ всего этого я угадываю *истинный* смыслъ греческаго оригинала и стараюсь въ переводѣ своемъ наблюдать не только *вѣрность поэтическую*—что главное — но и *вѣрность буквальную*, сохраняя по возможности и самый *порядокъ* словъ, что́ на нашемъ языкѣ довольно возможно съ помощью перестановокъ (inversion), которыя нашему языку свойственнѣе всѣхъ другихъ новыхъ языковъ.

Для чего я выбралъ этотъ трудъ? Для того, чтобъ дать себѣ великое наслажденіе выразить на нашемъ языкѣ во всей ея дѣтской простотѣ поэзію первобытную: буду стараться, чтобы въ Русскихъ звукахъ отозвалась та чистая гармонія, которая впервыя раз-

далась за 3000 лѣтъ передъ симъ, подъ яснымъ небомъ Греціи. Это наслажденіе полное. Новѣйшая поэзія, конвульзивная, истерическая, мутная и мутящая душу, мнѣ опротивѣла: хочется отдохнуть посреди свѣтлыхъ видѣній первобытнаго міра. Если же напишу что нибудь *свое*, то оно будетъ далеко отъ той горячки, которая теперь кипитъ во всемъ и вездѣ производитъ бредъ сумасшествія. Очень радъ, что Вы любите Одиссею; я самъ люблю ее болѣе Иліады. Въ Иліадѣ болѣе высокихъ, поэтическихъ образовъ; въ Одиссеѣ вся жизнь давно минувшаго во всей ея дѣтской беззаботности и въ неподдѣланномъ простодушіи. Если Богъ дастъ мнѣ кончить начатый трудъ, то Одиссея моя будетъ посвящена Вамъ. Просите Бога, чтобы далъ здоровья Вашему поэту, и чтобы *сберегъ* ему то счастіе, коимъ такъ милосердо его наградилъ. Скоро отправлю къ Вамъ Наля и Дамаянти; эта поэма давно переписана, и я не умѣю сказать, почему еще не послана; главною причиною этой задержки то, что я не написалъ еще моего посвященія, которое давно готово въ мысляхъ, но не перешло еще изъ головы въ перо. Эти поэтическіе кап-

ризы весьма часто бываютъ у Музъ и у покровительствуемыхъ ими поэтовъ. Прошу Ободовскаго прочитать Вамъ Наля и Дамаянти. Эта поэма опять написана гекзаметрами; надобно однако забыть о гекзаметрахъ и читать ихъ, какъ прозу: это Ободовскій знаетъ лучше другихъ. А Васъ прошу сообщить мнѣ Ваши замѣчанія о моей поэмѣ. Эта индійская поэзія имѣетъ прелесть несказанную, и свѣтлая простота ея стоитъ наравнѣ съ гомерическою. Простите, мой милый Великій Князь, обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ и прошу писать ко мнѣ чаще.

Жуковскій.

28 Окт. (9 Нояб.) 1842. Дюссельдорфъ.

VIII.

Порадуйтесь со мной, мой милый Великій Князь: Богъ далъ мнѣ милую дочку, и я узналъ такое счастіе, которое превосходитъ всякое другое на свѣтѣ—счастіе отца. Увѣренъ, что это извѣстіе обо мнѣ будетъ вамъ по сердцу. Вашъ портретъ и портреты Вашихъ братцевъ были мнѣ подаркомъ при рожденіи моей дочери. Я принялъ это за доброе предзнаменованіе для ея

жизни. Благодарю васъ изъ глубины сердца.

Прошу Васъ взять на себя трудъ: сказать отъ моего имени Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Государынямъ Великимъ Княжнамъ Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ, что я смѣю надѣяться, что онѣ примутъ милостивое участіе въ моей радости. Дочь моя научится поминать съ любовью ихъ милыя имена, учась благословлять семейство Царя своего.

Обнимаю Васъ всѣмъ сердцемъ.

Жуковскій.

7 (19) Ноября 1842.

Дюссельдорфъ.

IX.

Господинъ Ободовскій, доставившій мнѣ письмо Вашего Императорскаго Высочества, обѣщался взять отъ меня къ Вамъ отвѣтъ; но онъ не могъ этого сдѣлать, потому что на возвратномъ пути не нашелъ меня во Франкфуртѣ: я лѣчился въ Швальбахѣ. Зная, что Ваше Высочество еще странствуете по морю и по суху, я отложилъ отвѣчать Вамъ до возвращенія Ваше-

го въ Петербургъ. Теперь Вы тамъ, и я спѣшу изъявить Вашему Высочеству искреннюю благодарность за удовольствіе, которое мнѣ сдѣлало любезное письмо Ваше. Давно уже лишенъ я былъ подобнаго; но молчанія Вашего я не ставилъ на счетъ забвенія (ибо знаю, что Вы не забывчивы и что добрыя чувства въ Васъ постоянны), а просто полагалъ, что разнообразныя занятія владѣли вполнѣ Вашимъ временемъ, и я твердо увѣренъ, что Ваше время не было потеряно.

Теперь Вы опять на родинѣ. Множество разнообразныхъ предметовъ, промчавшихся въ послѣднее время передъ Вашими глазами, должны казаться теперь, въ тишинѣ воспоминанія, чуднымъ сновидѣніемъ. Но изъ письма Вашего, еще до отъѣзда Вашего написаннаго, для меня очевидно, что сновидѣнія начались для Васъ прежде самаго сна. Вамъ уже на Невѣ грезился щитъ новаго Олега на вратахъ Цареграда, и Вы уже собрались на всякій случай многое намотать на усъ Вашъ, который, какъ Вы пишете, еще у Васъ не выросъ. Весьма бы хотѣлось мнѣ знать, что̀ Вы намотали на этотъ начинающійся усъ и съ какими замыслами возвратились изъ Ца-

реграда въ Петроградъ. Между тѣмъ скажу Вамъ, что мнѣ весело видѣть, какъ въ молодой груди Русскаго Великаго Князя кипитъ безотчетное желаніе дѣлъ знаменитыхъ. Но здѣсь радуетъ не *возможность*, что отъ него будутъ дѣла знаменитыя (ибо въ наше время нужны не дѣла славы, озаряющія только немногихъ избранныхъ, а дѣла правды, Божіей правды, благодѣтельныя для всѣхъ и каждаго), здѣсь радуетъ самое это *стремленіе* выйдти изъ среды обыкновеннаго, стремленіе, съ которымъ естественно соединяется и *способность* совершить необыкновенное. Хорошо, когда въ молодости кипитъ въ груди горячка дѣлъ. Опытность зрѣлыхъ лѣтъ, подкрѣпленная знаніями, изъ которыхъ извлекаются правила (служащія компасомъ жизни, и озаренная свѣтомъ христіанства (безъ котораго жизнь не имѣетъ никакого смысла), скажетъ *что*, *какъ* и *для чего* дѣлать. Вашъ сонъ о щитѣ Олеговомъ имѣетъ свое поэтическое достоинство; въ практическомъ отношеніи онъ просто сонъ, и желаю, чтобъ онъ навсегда остался сномъ несбывшимся. Эта Византія—роковой городъ. Ею рѣшилось паденіе Рима. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала второю главою

Имперіи и какъ первую оторвали и раздавили сѣверные народы, она сдѣлась предметомъ хищничества дикихъ ордъ *извнѣ* и вертепомъ гнуснаго разврата *внутри*. Она влекла къ себѣ и нашихъ воинственныхъ предковъ, но походы Олега и Игоря были только славные разбои. Святославъ имѣлъ болѣе успѣха, но онъ влюбился въ завоеванную имъ страну, позабылъ свою Россію и дорого заплатилъ за это. Уже и Петербургъ (изъ котораго на отдаленной, завоеванной границѣ царства могучая рука Петра *прорубила имъ окно въ Европу*) сдѣлалъ то, что Россія стала одною огромною пристройкою сѣверной, полугерманской торговой пристани и что отечественная Москва, со всѣмъ прошедшимъ исторической Руси, теперь отброшена въ глубину ея, какъ будто пренебреженная. Съ тѣхъ поръ, заглядываясь въ это окно, передъ которымъ Европа показываетъ намъ свои Китайскія тѣни, мы забываемъ смотрѣть на существенную, могучую, полную собственной жизни Россію. Но что бы было, если бы эта сила Петра, вмѣсто того, чтобы съ великимъ напряженіемъ созидать на болотѣ гранитный Петербургъ, овладѣла на Босфорѣ великолѣпнымъ

Цареградомъ? Куда бы дѣвалась тогда Русская Москва? Въ Царьградѣ, который по своему чудесному положенію между двухъ знаменитыхъ морей, по всѣмъ окружающимъ его очарованіямъ природы, искусства и воспоминаній историческихъ (намъ NB. чуждыхъ)— имѣетъ полное право быть столицею великой имперіи, православные Русскіе Цари исчезли бы для Россіи за стѣнами султанскаго сераля, вновь обращеннаго во дворецъ Византійскихъ властителей. Нѣтъ, избави Богъ насъ отъ превращенія Русскаго царства въ имперію Византійскую. *Не брить и никому не давать Константинополя*, этого для насъ довольно. Нѣтъ, Россіи, для ея блага, для ея истиннаго величія, не нужно внѣшняго ослѣпительнаго великолѣпія; ей нужно внутреннее, не блистательное, но строго-постоянное, національное развитіе. Нужно, чтобы и народъ, удивительный своимъ могучимъ, свѣжимъ характеромъ, своею употребительностью на все, своимъ здравымъ, свѣтлымъ умомъ, своею дѣтскою воспріимчивостію вѣры христіанской, своею покорностію, еще непотрясенною, власти верховной, пріобрѣлъ всѣ блага общежитія; но пріобрѣлъ ихъ не вдругъ, какъ того хо-

тѣло нетерпѣливое стремленіе Петра, даровавшее ему вдругъ Европейскую внѣшнюю образованность, но тихимъ ходомъ благотворящей правды, не жертвуя настоящимъ будущему, ничего не измѣняя безъ нужды, извлекая законъ изъ одной божественной правды, уваженіемъ къ закону укореняя въ сердцахъ чувство законности, ученіемъ пастырскимъ распространяя живую вѣру, давая здравую пищу просвѣщенія; просвѣщеніемъ, основаннымъ на христіанствѣ, очищая нравы, и такимъ образомъ безъ потрясеній возводя народъ въ опредѣленное свыше для него человѣческое и гражданское достоинство. Въ наше время стало ясно, что могущество истинное не въ огромности государствъ, а въ ихъ внутреннемъ благоденствіи заключается: Наполеонъ не устоялъ на своемъ всемірномъ престолѣ, насиліемъ утвержденномъ на общемъ порабощеніи. Лучше тѣхъ границъ, которыя теперь имѣетъ Россія, и выдумать ей невозможно (хотя впрочемъ и теперь уже есть для нея бѣдственные излишки); но горе, если мы захотимъ распространяться! Внутри же Русь для внѣшняго врага неприкосновенна (сохрани ее Богъ отъ враговъ

внутреннихъ. Источники ея богатства (не всѣ еще открытые и разработанные) неистощимы; въ ней есть довольно мѣста для тройнаго народонаселенія, и на тронѣ Русскомъ Самодержавіе, т. е. неограниченная власть дѣйствовать для блага, покоряя Божіей Правдѣ — какая чудесная перспектива для будущаго и Царей и народа Русскаго! Можетъ ли въ этой величественной картинѣ занять мѣсто *завоеваніе*, т. е. минутная слава одного на счетъ благоденствія многихъ? Здѣсь разумѣю я всѣ *завоевания* à la Napoleon, а не тѣ необходимыя завоеванія, которыя созидаютъ могущество и самобытность народовъ; но всѣ такого рода завоеванія для Россіи уже вполнѣ совершились). Вотъ Вамъ и мой мотокъ на выростающій усъ Вашъ. Не выдаю словъ моихъ за правду, а просто за мое личное мнѣніе.

Ваше Высочество весьма бы меня обязали и порадовали, когда бы доставили мнѣ быстрый обзоръ всего Вашего путешествія. Между тѣмъ пока Вы странствовали по морямъ, какъ сѣверный Одиссей, я не лѣнился путешествовать съ своимъ греческимъ и вслѣдъ за нимъ проѣхалъ уже 12 станцій: это значитъ, что уже у меня пе-

реведено 12 пѣсней Одиссеи. И я былъ бы уже у пристани, когда бъ не задержала меня болѣзнь на дорогѣ. Съ послѣднихъ мѣсяцевъ прошлаго года до нынѣшняго лѣта я все хворалъ; потомъ ѣздилъ лѣчиться въ Швальбахъ; потомъ былъ долженъ сдѣлать другія поѣздки—словомъ, около года почти провелъ я, не видавшись съ моимъ героемъ. Теперь опять начинаю съ нимъ бесѣдовать, и великая была бы для меня радость, когда бъ я могъ при возвращеніи моемъ въ Россію представить его Вамъ точно въ такомъ видѣ, въ какомъ его зналъ Гомеръ, но говорящаго чистымъ, для всѣхъ привлекательнымъ языкомъ Русскимъ. Этимъ переводомъ Одиссеи, если Богъ поможетъ мнѣ его совершить какъ должно, надѣюсь нѣсколько времени пожить въ памяти отечества. Надежда занять уголокъ въ этой памяти имѣетъ великую прелесть. Но не она привлекаетъ меня, а самый трудъ; ибо нѣтъ ничего очаровательнѣе чистой поэзіи. Повторять вѣрно на своемъ языкѣ то, что гармонически сказано было ею въ тѣ первобытныя времена, когда она еще говорила младенческимъ языкомъ природы и истины, есть неописанное наслажде-

ніе; и это наслажденіе дастъ мнѣ изобильно бесѣда съ моимъ Гомеромъ, который могучь какъ Зевесъ-Громовержецъ, чистъ какъ Харита, простодушенъ какъ Психея и говорливъ какъ лишенный зрѣнія старикъ-прорицатель, которому въ слѣпотѣ его видится прошедшее и будущее, и который знаетъ, что около него толпится многочисленный народъ, внимающій чудному его пѣснопѣнію.

За симъ простите. Прошу Васъ обнять за меня моего добраго, всегда мнѣ любезнаго Ѳедора Петровича, котораго увѣряю въ неизмѣнномъ къ нему дружескомъ уваженій. Пожмите руку Гримму и попросите мнѣ благословенія отъ нашего добраго душепастыря В. Б. Баженова. Богъ съ Вами, мой милый Великій Князь. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать Вашей реляціи, въ которой прошу убѣдительно не отказать мнѣ. Жуковскій.

21 Октября (2 Ноября) 1845.
Франкфуртъ на Майнѣ.

Прошу Васъ напомнить обо мнѣ Ихъ Высочествамъ В. К. В. К. Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу; увѣряю ихъ въ искренней, сердечной къ нимъ привязанности.

X.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое сердечное поздравленіе съ Вашимъ для всѣхъ насъ радостнымъ обрученіемъ. Прошу Бога о ниспосланіи Вамъ счастія, Васъ достойнаго, т. е. согласнаго и съ Его волею, и съ Вашимъ желаніемъ. Обрученіе Ваше, *теперь* совершившееся, кажется мнѣ какимъ-то свѣтлымъ предзнаменованіемъ: въ то самое время, когда все потемнѣло въ Европѣ, Россія празднуетъ семейный праздникъ Царя своего. Такъ оно и будетъ! Великое Русское семейство, въ то время, когда другіе народы Европы начинаютъ домашнюю ссору съ своими государями, останется въ твердомъ согласіи съ богоданнымъ Отцемъ своимъ. Хорошо такъ же, что за нѣсколько дней было у насъ отпраздновано и пятидесятилѣтіе Русскаго фельдцейгмейстера: Русскія пушки много значатъ теперь и много значили во всѣ времена. Теперь у каждаго Русскаго повторится то, что въ день торжества Бородинскаго было отъ имени молодаго войска сказано старому, на поляхъ Бородинскихъ положившему жизнь свою:

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья
Простираетъ въ глубь земли!
Нашу Русь вы намъ спасли.
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Въ свой чередъ мы грудью станемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать

Жуковскій.

1848. 8 Марта н. с.
Франкфуртъ на М.

XI.

Пользуюсь проѣздомъ курьера, чтобы принести Вашему Императорскому Высочеству сердечную мою благодарность за Ваше письмо, которымъ Вы меня порадовали: въ немъ весь слогъ Вашего ребячества, въ которое Вы такъ много мнѣ показывали дружбы. Le style c' est l'homme, говоритъ Бюффонъ. Изъ этого слова могу заключить, что и Вы тоже, что̀ слогъ Вашъ, т. е. что Вы по старому добрый другъ Вашего устарѣлаго Жуковскаго.

Я не могу писать теперь много: этому мѣшаютъ больные глаза мои, которые почти мѣсяцъ лишаютъ меня возможности приняться за какое нибудь дѣло. Я хотѣлъ только сказать

Вамъ, какъ меня много обрадовало письмо Ваше. Еще долженъ сказать объ одномъ: первыя XII пѣсенъ Одиссеи переведены и почти напечатаны. Скоро печатаніе кончится. Основываясь на Вашемъ позволеніи посвятить Вамъ мой переводъ, я выставилъ въ началѣ тома Ваше имя; надѣюсь, что Вы мнѣ за это пѣнять не будете. Вамъ Одиссея принадлежитъ по праву: Вы на своемъ Русскомъ кораблѣ посѣтили всѣ тѣ мѣста, которыя за 3000 передъ симъ лѣтъ видѣлъ Одиссей. Что разсказалъ о немъ Гомеръ за тысячу лѣтъ до Р. Х., то переводчикъ Гомера въ XIX вѣкѣ послѣ Р. Х. посвящаетъ Русскому Одиссею; желаю, чтобы русское эхо греческой лиры было пріятно для Вашего слуха.

Въ заключеніе приношу Вашему Высочеству сердечную благодарность за драгоцѣнный Вами мнѣ сдѣланный подарокъ, за списокъ Вашею рукою манифеста, въ которомъ выразилась вся царская душа великаго Императора, говорящаго своему народу языкомъ, его достойнымъ и понимаемаго вѣрнымъ народомъ съ довѣренностью и любовью. Этотъ манифестъ потрясъ все сердце Имперіи. Онъ и здѣсь поразилъ своимъ великимъ смысломъ

безсмысленныхъ возмутителей. Но я долженъ кончить: курьеръ уѣзжаетъ. Благослови Васъ Богъ и водвори Свою благость надъ Вашимъ начинающимся семействомъ. Жуковскій.
19 Апрѣля (1 Мая) 1848. Франк. на М.

XII.

Пользуюсь случаемъ, чтобы представить Вашему Императорскому Высочеству два тома сочиненій моихъ, вышедшихъ изъ печати; въ этихъ томахъ все новое. Въ послѣднемъ найдете Вы и первыя XII пѣсней Одиссеи, которой переводъ посвященъ Вашему имени. Примите благосклонно эту младшую дочь мою. По обычаю всѣхъ стариковъ, я люблю ее, рожденную мною на старости, болѣе всѣхъ моихъ старшихъ дѣтей, изъ которыхъ первое родилось за 50 лѣтъ передъ этимъ. Заключаю письмо мое желаніемъ Вашему Высочеству всѣхъ возможныхъ благъ и коротенькимъ словцомъ, которое заставляетъ прыгать отъ радости мое сердце: *до скораго свиданья*! Жуковскій.

6 (28) Мая 1848.

Франкф. на М.

XIII.

Пишу съ растроганнымъ сердцемъ къ Вашему Императорскому Высочеству: это письмо есть въ тоже время и сердечная за Васъ молитва къ Богу, открывающему Вамъ въ нынѣшній день дорогу къ лучшему, чистѣйшему земному счастію; да будетъ Онъ Вамъ на ней хранительнымъ путеводителемъ. Передъ Вами два поприща: одно широкое, на виду у отечества, современниковъ и потомства; за то, что̀ будетъ Вами совершено на этомъ поприщѣ, Вы дадите отчетъ теперь Россіи, потомъ Исторіи. Другое *свое*, домашнее, болѣе тайное; за то что̀ будетъ на немъ, Вы дадите отчетъ одной Вашей душѣ. Хотя оно не столь блистательно, какъ первое, но оно болѣе дѣйствуетъ на насъ, развивая нашу внутреннюю жизнь и такимъ образомъ образуя насъ и для дѣйствій публичныхъ. На первомъ многое не зависитъ отъ нашей воли: обстоятельства внѣшнія могущественно ею управляютъ; здѣсь, напротивъ все мы сами, и наша судьба есть вѣрный отголосокъ души нашей. Богъ не даровалъ мнѣ счастія быть въ этотъ день съ Вами: я былъ на до-

рогѣ въ Россію, холера отбросила меня на югъ Германіи. И теперь, вмѣсто того, чтобы радоваться вмѣстѣ съ Русскимъ народомъ новому семейному счастію въ домѣ царскомъ, я долженъ скучать на чужѣ, окруженный безумными смутами, которыхъ хорошая сторона для меня та, что они живѣе убѣдятъ всѣхъ Русскихъ въ томъ, какое великое сокровище заключается въ этомъ историческомъ, патріархальномъ, сыновнемъ подданствѣ Царю, которое изъ великаго царства дѣлаетъ одно великое семейство. Теперь болѣе нежели когда нибудь подымается душа моя при мысли о томъ, что̀ такое наша Россія, наша Святая Русь, какая передъ нею лежитъ дорога и къ чему она дойдти предназначена. Какое будетъ для меня счастіе, возвратясь въ отечество, говорить съ Вами объ этомъ святѣйшемъ для насъ обоихъ предметѣ, въ особенномъ кругу Вашего семейства! Теперь буду на все что̀ вокругъ меня творится, глядѣть со стороны; между тѣмъ займусь окончаніемъ начатаго дѣла, которое въ тоже время будетъ и чистымъ источникомъ наслажденія и лѣкарствомъ отъ всего печальна́го, что̀ производитъ необходимо все вившн-

нее, хотя оно для меня и чужое. Я послалъ Вамъ давнымъ давно отпечатанную 1-ю часть Одиссеи: опираясь на Ваше позволеніе, лично Вами мнѣ данное, я позволилъ себѣ посвятить переводъ мой Вашему имени; не знаю, получили ли Вы мою посылку. Ласкаюсь надеждою, что приношеніе Вамъ моего послѣдняго (и кажется) значительнаго труда поэтическаго не будетъ Вашему Высочеству непріятно. Надѣюсь, что къ возвращенію моему въ Россію и послѣдняя часть Одиссеи будетъ окончена, можетъ быть и отпечатана.

Прошу Ваше Высочество быть за меня изъяснителемъ всѣхъ добрыхъ моихъ желаній передъ Государынею Великою Княгинею; такъ же прошу Васъ положить къ стопамъ Ихъ Величествъ мое благоговѣйное поздравленіе.

Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшій слуга Жуковскій.

30 Августа 1848.

Баденъ-Баденъ.

XIV.

Какъ я радовался мыслію, что увижу Ваше Императорское Высочество

въ Варшавѣ! Не далось мнѣ это счастіе! А какъ было бы мнѣ весело передать изъ рукъ въ руки второй томъ Одиссеи и порадоваться Георгіемъ, блестящимъ на груди вашей подлѣ красавицы—Маріи Терезіи. Тѣмъ грустнѣе для меня здѣсь Ваше отсутствіе, что все окружающее меня, въ такую чудную, славную эпоху Русской исторіи, погружено въ уныніе: мы теряемъ сокровище, каждому изъ насъ драгоцѣнное, мы скорбимъ съ Государемъ нашимъ о утратѣ блага, которое ничѣмъ для него замѣнено быть не можетъ. Этотъ, насъ покидающій, былъ чистая душа, нѣжное, доброе сердце, воплощенная правдивость и честность. Все въ рукѣ Божіей; но здѣсь, кажется, надлежитъ ожидать самаго горестнаго конца, или Богъ долженъ послать Свое чудо. Тяжело мнѣ такъ писать къ Вашему Высочеству. Тяжело мнѣ и уѣхать отсюда, не видавъ Васъ; но я долженъ возвратиться къ больной женѣ моей, которой нельзя будетъ нынѣшнею зимою пріѣхать въ Россію. Ваше Высочество несказанно меня обрадуете, если благоволите мнѣ написать строчки двѣ въ отвѣтъ на это письмо; вѣроятно я уже скоро буду въ Баденѣ.

Мой адресъ: A Bade-Bade, au Graben, maison Kleinmann.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшій слуга В. Жуковскій.

Варшава. 24 Августа 1849.

XV.

Спѣшу отвѣчать на письмо Вашего Императорскаго Высочества, вчера мною полученное. Оно и порадовало меня и опечалило. Порадовало тѣмъ, что оно удивительно мило, а опечалило тѣмъ, что я уже написалъ и послалъ письмо къ Ѳ. П. Люткe, въ которомъ крѣпко пѣнялъ Вашему Высочеству за Ваше молчаніе, и что мнѣ, по полученіи Вашего письма, стало еще крѣпче жаль, что я такъ распѣтушился не во-время. Но эта пѣтушность доказываетъ только то, что мое сердце живо къ Вамъ привязано. Обращаюсь къ веселой сторонѣ Вашего письма. Оно обрадовало меня тѣмъ, что такъ *мило*: это значитъ, что я нашелъ въ немъ всю ту свѣтлую, молодую, живую доброту Вашего сердца, какая мнѣ въ немъ знакома была во время-оно, въ Вашемъ ребячествѣ. Сохрани Вамъ ее Богъ

на всю жизнь, давъ ей созрѣть и сдѣлаться постоянною спутницею твердой воли и животворительницею строгаго разсудка. Письмо Ваше порадовало меня еще потому, что я (не получая такъ долго Вашихъ писемъ) былъ пріятно удивленъ, нашедъ въ этомъ послѣднемъ письмѣ зрѣлый, живой и правильный Русскій слогъ: это снова доказало мнѣ истину того, что говоритъ Бюффонъ: le style c' est l' homme. Вы созрѣли, и съ Вами незамѣтно созрѣлъ и языкъ Вашъ, хотя, конечно, Вы не занимались особенно *искусством* писателя. Но и въ этомъ отношеніи понравился мнѣ слогъ Вашъ. онъ граматически правиленъ, что не всегда соединено бываетъ съ естественною живостію и пріятностію. Письмо Ваше наконецъ порадовало меня и въ поэтическомъ отношеніи. Вы говорите мнѣ о моей Одиссеи не одни общія фразы; Вы говорите мнѣ именно то, что я желалъ бы слышать отъ всякаго, имѣющаго поэтическое чувство и зоркій вкусъ, читателя. И меня радуетъ какъ автора то. что Вы съ этимъ свѣжимъ. никакими школьными правилами не испорченнымъ. чувствомъ. нашли въ моемъ переводѣ именно то. къ чему я наиболѣе стре-

мился, и безъ чего, какое бы ни имѣлъ впрочемъ достоинство переводъ, онъ былъ бы не годенъ: простоту святой, непорочной, дѣвственной древности. Если Вы, не зная, какъ и я, по-гречески, поняли изъ моей Одиссеи что́ такое трехтысячелѣтній старикъ Гомеръ; если онъ, въ моемъ съ него снимкѣ, представился Вамъ простосердечнымъ, вдохновеннымъ сказочникомъ, бродящимъ изъ города въ городъ, изъ селенія въ село, поющимъ или разсказывающимъ, подъ звуки лиры, сказки о славныхъ дняхъ старины, просто, неукрашенно, болтливо, и если и у Васъ зашевелились волосы на головѣ отъ его непритворнаго вдохновенія почти также, какъ за 3000 лѣтъ они шевелились у старыхъ и молодыхъ на собраніяхъ народныхъ, — то, конечно, работа моя удалась и въ разговорѣ моемъ съ потомъ, отдѣленномъ отъ меня почти 30-ю вѣками, *сердце сердцу вѣсть подало*. Какъ должно переводить Гомера, о томъ я сказалъ въ отрывкѣ, помѣщенномъ вмѣсто предисловія въ началѣ Одиссеи. Желаю знать отъ Васъ, исполнилъ ли я эти условія. Но, возвращаясь къ письму Вашему, скажу, что я радуюсь не *за себя* особенно

Вашими замѣчаніями на переводъ мой (Вы меня хвалите), но особенно *за Васъ*; и эти замѣчанія столько же бы меня за Васъ обрадовали, когда бы они были строгимъ неодобреніемъ труда моего; радуюсь за Васъ тому, что вижу изъ написаннаго Вами, какъ Вамъ доступна поэзія. И счастлива душа, которой доступна поэзія,—сокровище *здѣшней* жизни. Не стану здѣсь изъяснять, что̀ я разумѣю подъ словомъ поэзія и что такое поэтъ (если хотите знать объ этомъ мое мнѣніе, то не полѣнитесь прочитать мое письмо къ Гоголю, напечатанное въ Москвитянинѣ, въ какомъ № не знаю, спросите у Плетнева). Что же значитъ *отсутствіе* поэзіи, это ясно показываетъ наше бѣдственное, прозаически-разрушительное время, въ которомъ все, одной душѣ принадлежащее, все святое, божественно-историческое уничтожено. Дорого, свято и уважаемо теперь только то, что̀ можно ощупать руками, что̀ можно законно или незаконно, положить въ карманъ, что̀ можно счесть на счетахъ или свѣсить на вѣсахъ:—грубый матеріализмъ властвуетъ, всякая безусловная вѣра смѣшна, одна лишь вѣрная выгода имѣетъ достоинство.

И Вы видите, что́ произвело это отсутствіе поэзіи въ гражданскомъ порядкѣ. Порядокъ стоитъ на вѣрѣ въ Бога, на вѣрѣ въ законность власти, на вѣрѣ въ законъ и въ долгъ, т. е. на безкорыстномъ послушаніи сердца, на его произвольномъ поддаствѣ этому невыразимому святому, которое есть поэзія жизни, ея истинное достоинство, пока она заключена въ предѣлахъ бытія земнаго. Я сказалъ: *поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли*, и это кажется мнѣ математически-справедливымъ. Богъ есть истина; къ этой истинѣ ведетъ вѣра, которой цѣль лежитъ за границею здѣшняго міра; поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ *земли*, слѣдственно она есть мечта истины, т. е. ея земной образъ, естьли только эта мечта есть мечта святая. Но эта мечта можетъ быть и не святою, какъ все земное, стоящее между двухъ противоположностей: тогда она анти-поэзія, *духъ тьмы* въ мечтахъ земли *развратныхъ*.

Но куда я ушелъ отъ своего предмета? Вы видите, что́ вышло изъ гражданскаго порядка отъ этого отсутствія поэзіи. Чтобы не быть однако темнымъ или смѣшнымъ, я долженъ опять сдѣлать отступленіе. Поэзія не заклю-

чается въ одномъ *стихотвореніи*; она есть духъ жизни Божіей, разлитый Имъ въ Его творенья, всѣми ощущаемый и только нѣкоторыми, болѣе одаренными, выражаемый въ словѣ, краскѣ, мраморѣ и пр. Источникъ этой поэзіи есть вдохновеніе (вдохновеніе, которое я назвалъ бы вѣрою въ великое и прекрасное, вдругъ объемлющею душу вашу). Такое вдохновеніе болѣе или менѣе всякой душѣ доступно; и много было на землѣ великихъ поэтовъ, не написавшихъ ни одного стиха. Напримѣръ, одна изъ высочайшихъ минутъ такого вдохновенія выразилась въ одномъ словѣ *на колѣна*! которымъ многочисленная толпа бунтующаго народа брошена была на землю передъ святынею вѣры и власти. И отсутствіе этой то поэзіи произвело то, что́ теперь вездѣ передъ нашими глазами творится. Если отсутствіе поэзіи можетъ быть такъ гибельно для цѣлыхъ народовъ, то равномѣрно оно гибельно и для каждой души, взятой отдѣльно. Вотъ почему, при чтеніи Вашего милаго письма, я такъ обрадовался Вашей доступности поэтическому вдохновенію, обрадовался не потому, что Вы *хвалили мой переводъ*, а потому, что *такимъ языкомъ*

говорили мнѣ о самомъ Гомерѣ. Берегите это пламя души. Не надобно, чтобы поэзія была *главнымъ* ея элементомъ: мы должны видѣть не одинъ радуги на нашемъ земномъ небѣ; но великая утрата для души, если глаза ея будутъ закрыты для этихъ радугъ, которыя суть *радуги завѣта*—сами по себѣ только явленіе, но это явленіе соединяетъ передъ глазами нашими небо и землю. Разумѣется, что не все то что́ стихи, есть поэзія. Поэтовъ, товарищей жизни, весьма не много; но выбравъ въ товарищи этихъ немногихъ, надлежитъ во всю жизнь сохранить имъ вѣрность. Эта *поэзія*, въ то время, когда святая *вѣра* замѣняетъ все несовершенное земное и даетъ намъ то, чего желаетъ душа и чего *здѣсь нѣтъ*, эта *поэзія* украшаетъ самую жизнь, даетъ ея тѣлу ту живую красоту, безъ которой она была бы трупъ, лежащій на столѣ анатома, который, отыскивая въ немъ жизнь своимъ анатомическимъ ножемъ, находитъ только скелетъ, приводящій въ ужасъ. Поэзія народная, въ которой отзывается вся жизнь народа, Гомеръ, Данте, Шекспиръ, Мильтонъ, Греческіе трагики, нѣкоторые чудные поэты востока (не называю никого изъ

новѣйшихъ) — вотъ товарищи жизни. Бесѣда съ ними во всякое время есть очарованіе. Въ темное время эта поэзія, какъ Эолова арфа, обращаетъ шумъ вѣтра въ гармонію, а въ тихіе часы души она согрѣваетъ ее огнемъ чистаго вдохновенія и подкрѣпляетъ для строгой житейской дѣятельности. И такъ да сохранитъ Вамъ Богъ неприкосновенно эту поэзію души, которую Вы уже имѣете и которую должно питать и лелѣять (не бывъ однако ея игрушкою и не дѣлая изъ нея игрушки). Скажу при этомъ: какъ же мнѣ не пѣнять Вамъ, что Вы ко мнѣ не пишете? Какое было бы мнѣ наслажденіе читать *такія* Ваши письма и отвѣчать на нихъ, отдавая на произволъ перу мои мысли и чувства!

Оканчивая это длинное письмо, повторяю мое Вамъ поздравленіе. То, что́ Вы пишите о Вашемъ теперешнемъ семейномъ счастіи, глубоко трогаетъ мою душу. Прошу Васъ представить меня заочно Ея Высочеству Великой Княгинѣ. Когда то я самъ доживу до этого счастія? Мое возвращеніе въ Россію столько разъ было откладываемо, что я начинаю самъ терять къ нему вѣру. Теперь однако благодарю Бога, что Онъ страхомъ холеры меня

остановилъ здѣсь и что обстоятельства принудили меня изъ Франкфурта перебраться въ Баденъ. Женѣ послѣ Эмса стало наконецъ хуже; и это *хуже* еще болѣе оказалось въ первый мѣсяцъ пребыванія нашего въ Баденѣ: это заставило меня прибѣгнуть къ Гуггерту. Началось лѣченіе прочное, какого не могло быть во Франкфуртѣ, и я начинаю надѣяться *крѣпко*. Что Богъ велитъ! Прошу Васъ сообщить эти послѣднія обстоятельства Государынѣ Цесаревнѣ.

Простите. Не сердитесь на мою старіковскую болтовню; будьте ко мнѣ милостивы какъ бывало, и Богъ съ Вами.

Жуковскій.

1848 Октября 19 (31)
Баденъ-Баденъ.

XVI.

Благодарю, благодарю, сердечно благодарю Ваше Императорское Высочество за Ваше любезное, милостивое и прекрасное письмо, которое получилъ я дни два по возвращеніи моемъ въ Баденъ. Я промедлилъ моимъ отвѣтомъ, хотя по прочтеніи письма и загорѣлось во мнѣ сильное желаніе отвѣ-

чать на него. Приношу Вашему Высочеству мою повинную голову; тѣмъ болѣе я виноватъ передъ Вами, что обязанъ Вамъ благодарностію за то участіе, которое Вы принимаете въ моей дочкѣ Одиссеѣ, вашей крестницѣ. Она моя фаворитка; она повеселила меня на старости такъ мило и живо, что мнѣ казалось всегда въ ея поэтическомъ присутствіи, что я сбросилъ съ своихъ плечъ лѣтъ сорокъ. Она же изъ поэтическихъ дѣтей моихъ та, которая пандолѣе переживетъ меня. Поэзія въ наше время утратила много своего кредита, утратила и отъ того, что наше желѣзно-дорожное и журнально - сумазбродное время не имѣетъ ничего въ себѣ поэтическаго, и отъ того, что поэты затащили ее въ грязь партій, въ болото безвѣрія и въ лужу безнравственной чувственности. Вслѣдствіе этого не могу надѣяться, чтобы Одиссея произвела на большинство современныхъ читателей какое нибудь сильное дѣйствіе; да я и не имѣлъ цѣлію производить какое нибудь дѣйствіе. Мнѣ просто хотѣлось заглянуть въ перво-міръ поэзіи, въ этотъ потерянный Эдемъ, въ которомъ во время-оно дышалось такъ легко и цѣлебно. Гомеръ отворилъ мнѣ запо-

вѣдную дверь въ него, и я пожилъ счастливо съ его свѣтлыми созданіями, которыхъ вѣяніе было такъ благовонно, которыхъ поэтическій шопотъ такъ былъ гармонически очарователенъ посреди визговъ и мефитическаго зловонія бунтующей толпы, парламентныхъ болтуновъ и ложновдохновенныхъ поэтовъ настоящаго времени. Совсѣмъ тѣмъ я не вовсе отказываюсь и отъ поэтически-благотворнаго дѣйствія моей поэмы. Въ шестьдесятъ шесть лѣтъ можно судить о самомъ себѣ, какъ о постороннемъ, безъ пристрастія и безъ суетной хвастливости. Опираясь на собственномъ внутреннемъ чувствѣ, я думаю, что въ переводѣ моемъ сохранена та первобытная простота, которая должна быть такъ плѣнительна въ Гомерѣ (особенно въ Одиссеѣ). Говорю *должна быть*, ибо оригиналъ Одиссеи въ гармоніи поэтическаго языка ея мнѣ не знакомъ. Я старался угадывать эту гармонію чутьемъ; но тоже самое поэтическое чутье шепчетъ мнѣ, что я дѣйствительно угадалъ ее. Это же говорятъ мнѣ и тѣ, которые знаютъ дѣло и могутъ сравнивать съ подлинникомъ слѣпокъ. Если же эта первобытная поэзія подлинно мною сохра-

ціна, то въ ея природѣ такъ много живаго, что она не пропадетъ и для потомства. Непримѣтно и таинственно будетъ она продолжать жизнь, подобно тому, какъ живутъ теплые ключи, бьющіе изъ сердца самой природы и не изсякая дающіе силу и исцѣленіе тѣмъ, кто ихъ пьетъ въ ихъ источникѣ. Мой трудъ не прибавилъ ничего къ моей поэтической извѣстности: не болѣе шести человѣкъ (считая въ числѣ ихъ и Ваше Высочество) сказали мнѣ свое мнѣніе о моей работѣ (нѣтъ! мой счетъ не вѣренъ, еще къ шести надобно прибавить трехъ); въ моей семьѣ я ни съ кѣмъ не могъ подѣлиться своими поэтическими конфектами: ѣлъ ихъ одинъ; только въ Варшавѣ попалась мнѣ въ руки дѣльная критика Шевырева,—однимъ словомъ, я не заботился о славѣ и похвалѣ; но мнѣ радостно думать, что послѣ меня останется памятникъ твердый здѣшней моей жизни, и что въ моей, меня пережившей семьѣ и во всѣхъ семейныхъ кругахъ, гдѣ будетъ сохранено чувство истинной поэзіи, будутъ весело, помиая меня, отдыхать отъ суматохъ житейскихъ за чтеніемъ—моего Гомера, какъ отдыхаетъ усталый путешественникъ подъ

тѣнью придорожнаго дуба подлѣ водоема съ чистою водою, и мысленно благодаритъ того, кто нѣкогда посадилъ этотъ дубъ и построилъ этотъ водоемъ для проходящихъ.—Но я замѣчаю, что я неимовѣрно разболтался. Извините, я не даромъ состарѣлся, а Вы своимъ любезнымъ письмомъ поневолѣ вызвали меня на болтовню. Я радуюсь, видя, что Вы такъ доступны поэзіи. Одной практической, дѣльной жизни намъ недостаточно; душа требуетъ поэзіи и вѣры. Первая сводитъ для нея божественное на землю, а послѣдняя возводитъ ее отъ земнаго къ божественному и имъ дополняетъ все земное, столь мало удовлетворительное и столь не вѣрное.

Обращаясь къ письму Вашему, скажу, что меня весьма тронуло то, что Вы говорите о Вашемъ Георгіѣ. Въ томъ чувствѣ недостоинства, которое Вы такъ смиренно выражаете, заключается много истиннаго достоинства. Кто ищетъ великаго единственно изъ любви къ великому или, правильнѣе сказать, изъ любви къ источнику всякаго величія, къ Богу, тотъ никогда о себѣ не будетъ имѣть слишкомъ высокаго мнѣнія, но за то и никогда не собьется съ дороги, ведущей его

прямо къ цѣли. Наша дорога есть лѣстница: кто взошелъ на одну ступень, если онъ не слѣпъ и не безуменъ, узнаетъ только то, что онъ еще не дошелъ и что ему слѣдуетъ подыматься, а не считать себя на высотѣ. Добрый Вамъ путь въ высоту!

Другое, что́ мнѣ весьма понравилось въ вашемъ миломъ и дѣльномъ письмѣ, есть то, что Вы говорите вообще объ войнѣ. Васъ не ослѣпила прелесть, заключающаяся въ кипучей, поэтической военной жизни, въ этомъ могучемъ развитіи всѣхъ силъ душевныхъ, въ этомъ очарованіи мужества, въ этомъ удвоенномъ чувствѣ жизни, пріобрѣтающей особенную сладость отъ присутствія смерти, отъ презрѣнія опасности — не мудрено было въ Ваши лѣта влюбиться въ войну. Но Васъ ея поэтическая красота не обольстила. Не смотря на то, что Вы познакомились ея опасностями, столь вкусными для молодаго, храбраго сердца, Вы сохранили всю трезвость разума, чтобы разглядѣть всѣ бѣдствія, какія ведетъ за собою всякая война. И это тѣмъ утѣшительнѣе, что Вы были свидѣтелемъ войны справедливой, начатой съ великою цѣлію спасенія правды и имѣвшей для насъ

такую чудную, восхитительную развязку. Надѣюсь, что Богъ избавитъ насъ отъ новой войны. Это усмиреніе Венгріи, произведенное съ такимъ величіемъ, съ такимъ великодушнымъ безкорыстіемъ, поставило Русскаго Царя на такую высоту, на которой не можетъ быть до Него доступна безумная дерзость Турковъ, которыхъ Англія обратила въ свои куклы, дабы (заставляя ихъ кривляться передъ глазами Европы на проволокахъ, движимыхъ ея рукою) позади этого кукольнаго театра украсть въ добрый часъ Египетъ. Избави насъ Богъ угождать Англіи пролитіемъ Русской крови! Передъ моимъ воображеніемъ сіяетъ теперь событіе другаго рода. Мнѣ кажется, что теперь насталъ часъ, въ который Россія можетъ пріобрѣсть славу, превышающую всякую другую, славу единственную, на всѣ времена, славу, могущую имѣть неисчислимыя, благотворныя послѣдствія. Этотъ часъ уже однажды пробилъ на часахъ великой судьбы нашей, но мы тогда, въ шумѣ торжества, не разслушали его призывнаго боя. Изъ Адріанополя мы даровали миръ Султану. Тогда намъ могло бы стоить одного только слова, чтобы разомъ рѣшить задачу всѣхъ

крестовыхъ походовъ, которыхъ развязкою, послѣ такихъ бѣдствій, осталось то, что Гробомъ Спасителя овладѣли и теперь еще владѣютъ враги Христіанства; изъ Адріанополя Русскій Царь могъ бы сказать Султану: *Іерусалимъ свободенъ, онъ отъ нынѣ принадлежитъ Христіанской Европѣ.* Теперешняя минута кажется мнѣ столь же благопріятною для произнесенія такого рѣшительнаго слова, и какая святая слава для Россіи, когда ея Царь, оскорбленный безумiемъ Турковъ—мироносный Годофредъ нашего вѣка—произнесетъ его! Осмѣлятся ли не покориться Турки, когда нашъ Царь, отказываясь отъ всякаго личнаго удовлетворенія, вызоветъ всѣ державы Европы на освобожденіе отъ постыднаго рабства нашего святилища? И осмѣлятся ли Христіанскія державы не принять такого вызова? Это не будетъ вызовъ на неправедное завоеваніе, на насильственное отнятіе собственности, утвержденной давностью владѣнія. Оставайся и Сирія и съ нею вся Палестина во власти Турковъ; но мѣсто, гдѣ совершилось спасеніе человѣчества, мѣсто освященное земною жизнію и искупительною смертію Спасителя, не должно

оставаться во власти враговъ Его. Если мы Христіане въ настоящемъ значеніи этого слова, то для насъ Гробъ Спасителя не есть одинъ историческій памятникъ: это высочайшая человѣческая святыня, это видимый пунктъ на землѣ, гдѣ наша жизнь соединяется, посреди *временнаго*, съ *небеснымъ* и *вѣчнымъ*. Съ этого пункта началось обновленіе человѣчества, падшаго, но искупленнаго; здѣсь совершилось примиреніе съ нимъ Божества и отворилась ему дверь для вступленія въ обитель Отца Всевышняго (и это совершилось не для однихъ Хрпстіанъ, но и для всего человѣческаго рода. Мы только опередили другихъ, но отставшіе со временемъ, какъ и мы, приняты будутъ въ общее семейство). Если мы Христіане, то мы этому, т. е. несказанной святости этого Гроба, вѣримъ безъ всякаго умствепнаго толкованія. Безъ этой вѣры нѣтъ Христіанства. Какъ же изъяснить то равнодушіе, съ какимъ Европа, вся Христіанская и столь могущественная своимъ общественнымъ развитіемъ, смотритъ на осрамленіе ея святѣйшаго сокровища? Въ глазахъ ея могущества, ничтожный, давно безсильный народъ невѣр-

ныхъ властвуетъ нахально этимъ сокровищемъ, и велѣдствіе этого рабства, сами Христіане, поклонники святыни, оскорбляютъ ее враждою сектъ передъ Гробомъ, источникомъ искупленія и мира, чего бы конечно не было, когда бы этотъ Гробъ защищенъ былъ отъ постыднаго поруганія. Мы строимъ желѣзныя дороги, окидываемъ пространныя области сѣтью электромагнетическихъ телеграфовъ, употребляемъ величайшія усилія, тратимъ деньги, тратимъ потъ и кровь людей на то, чтобы увеличить ничтожныя, презрѣнныя выгоды корыстолюбія, увеличить матеріальныя удобства и чувственныя наслажденія, а о святомъ, о томъ, на чемъ основана и жизнь души и твердый порядокъ общественный, мы забываемъ. Мудрено ли послѣ этого, что нашъ высокоумный вѣкъ задумалъ вычеркнуть святое слово *Божіею милостію* изъ титула земной власти, и что теперь публично разсуждаютъ преобразователи государствъ, должны ли государства и ихъ правительства имѣть какую нибудь опредѣленную религію, и для нихъ всѣ религіи не должны ли имѣть одинъ только политическій смыслъ, и тому подобное? Повторяю:

я не крестовую войну проповѣдую. Пролитіе крови за Христа или въ честь Христа есть святотатство. Но Іерусалимъ долженъ принадлежать Христіанскому міру, и рабство Гроба Христова должно быть наконецъ уничтожено. Это мнѣ кажется столь яснымъ, столь необходимымъ, столь неизбѣжнымъ, что невольно приходишь въ изумленіе, какъ по сію пору это еще не сдѣлалось. И я боюсь только одного, чтобы кто нибудь не предупредилъ *насъ* въ этомъ великомъ дѣлѣ. О! По всѣмъ сердцамъ ударитъ молнія вдохновенія и восторга, когда нашъ великій Царь, котораго все царствованіе было образцемъ могучей политической честности и правдолюбія, скажетъ теперь, въ минуты прекраснѣйшей славы не *завоевателя*, а *защитника* и *примирителя*, когда нашъ Царь скажетъ въ совѣтѣ Царей: „Отдадимъ Богу Божіе; Святой „Гробъ Спасителя и святой градъ, его „въ себѣ заключающій, должны при„надлежать не Россіи, не Англіи, не „Франціи и пр. съ одной стороны, и „не Туркамъ съ другой:—они должны „принадлежать Богу Спасителю. Хри„стіанскія державы должны благого„вѣйно принять ихъ подъ свою общую

„защиту; каждая изъ нихъ должна „на это удѣлить часть своихъ воен- „ныхъ силъ (не для завоеванія, а для „охраненія Града), и этотъ Градъ, „освобожденный отъ всякой власти „Мусульманъ, находясь посреди ихъ „областей, долженъ быть соединенъ „свободною, безопасною дорогою съ „моремъ, дабы доступъ къ нему былъ „на всѣ времена открытъ Христіанамъ. „Все остальное пусть будетъ упро- „чено Туркамъ, какъ ихъ законное „достояніе„. Нельзя вообразить, что- бы на такой вызовъ могъ послѣ- довать отвѣтъ отрицательный. А какія послѣдствія могли бы быть для Христіанства, для соединенія всѣхъ церквей (о которомъ мы без- престанно молимся), когда бы око- ло Гроба Спасителя, около одно- го общаго средоточія, всѣ исповѣ- данія соединилися на свободѣ съ чув- ствомъ одной всѣхъ сближающей, все миротворящей Вѣры?

Такое великое дѣло должно при- надлежать Россіи! Она, она дол- жна внести такое событіе въ лѣ- топись человѣчества; она—законная наслѣдница первобытнаго Христіан- ства. И съ совершеніемъ такого дѣла начнется новый періодъ ея всемірнаго

призванія. Это призваніе есть возстановленіе Церкви въ ея первобытной чистотѣ и святости, возстановленіе не мечемъ, не притѣсненіемъ, не ужасами нетерпимости, а великимъ примѣромъ чистой, самоотверженной, вселюбящей Вѣры. И дѣйствіе на современный міръ такого событія было бы несказанное—не политическое, а чисто нравственное. Политика въ наше время сбилась съ пути отъ разрушительныхъ доктринъ, которыми всѣ основныя понятія, составляющія прочность и условіе общественнаго порядка, опрокинуты. Никакая нравственная сила не возстановитъ разрушеннаго. Матеріальная сила пушекъ сладила съ бунтомъ; но этотъ бунтъ есть только симптомъ, есть проявленіе той болѣзни, которою страждетъ политическое тѣло и которая должна наконецъ сдѣлаться неизцѣлимою и смертельною. Пушки—одинъ только палліативъ. Онѣ могутъ возстановить на время порядокъ, но онѣ его не установятъ. Для этого нужно радикальное лѣкарство нравственности и вѣры. Въ какой аптекѣ можно составить это лѣкарство? Всѣ теперь существующія аптеки употребляютъ ядъ для своихъ микстуръ; да если бы и удалось составить лѣ-

карство спасительное, то трудно будетъ принудить больнаго его выпить: онъ чахнетъ отъ безвѣрія и безнравственности (извѣстно, что всѣ чахотные не думаютъ, чтобы ихъ болѣзнь была опасна). Происшествіе, въ которомъ бы выразилось вдругъ, передъ глазами народовъ, благоговѣніе къ отвергнутой ими святынѣ и выразилось бы въ дѣйствіяхъ представителей власти верховной, произвело бы конечно цѣлительное дѣйствіе на души, снѣдаемыя недугомъ, ихъ изнуряющимъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что теперь произошелъ уже переломъ болѣзни: вездѣ замѣтно тревожное чувство, похожее на тоску по отсутствующей святынѣ, ощущеніе утраты, желаніе возвратить утраченное. Но это чувство темное. Сердца въ окаменѣніи. Надобно какимъ нибудь сильнымъ ударомъ выбить изъ этого камня искры вѣры, и ни въ чьей рукѣ огниво для произведенія такого удара не будетъ такъ дѣйствительно, какъ въ чистой и могучей рукѣ Царя Русскаго.

Но пора мнѣ замѣтить, что я черезъ чуръ записался. Прошу у Вашего Императорскаго Высочества милостиваго прощенія. Не смѣю просить отвѣта на мое длинное письмо, но

онъ бы весьма меня потѣшилъ. Сохрани Богъ Васъ и Ваше семейство, настоящее и будущее.

Жуковскій.

XVII.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое сердечное поздравленіе съ новымъ счастіемъ, посланнымъ Вамъ отъ Бога. Да благословитъ Онъ Вашего сына на долгую жизнь, радостную для Васъ, чистую передъ Богомъ для него, полезную для его Царя, славную для Русскаго царства. Знаю, что у Васъ живое и теплое сердце, и могу себѣ весьма ясно представить, какъ Вы радуетесь своимъ милымъ младенцемъ; по мнѣ самому какъ то чудно и въ тоже время умилительно подумать, что Вы, котораго я, покидая Россію, оставилъ еще за учебнымъ столомъ, уже теперь отецъ семейства, что Вы окурены уже порохомъ и болѣе видѣли земель въ Вашихъ странствіяхъ, нежели мой Одиссей, представленный Вамъ въ Русскомъ костюмѣ. Какъ бѣжитъ время! Это Вамъ въ Ваши молодыя лѣта еще не можетъ быть чувствительно; а въ мои эта быстрота времени часъ отъ часу ста-

новится разительнѣе. И какъ нарочно теперь столько въ головѣ плановъ для пера скопилось, что напередъ знаешь, что смерть, которой приближающіеся шаги часъ отъ часу становятся слышнѣе, не дастъ и половины ихъ исполнить. Звукъ этихъ шаговъ меня не пугаетъ, но хотѣлось бы еще урвать лѣтъ десятокъ у жизни. Воля Божія!

Получили ли Ваше Высочество мое письмо съ моими Іерусалимскими мечтами? Хотя я и не могу имѣть никакихъ требованій на переписку съ Вами и нисколько не позволяю себѣ имѣть ихъ; но два Вашихъ послѣднихъ письма, такъ пріятно и дѣльно написанныя, возбудили во мнѣ желаніе имѣть чаще Ваши письма. Конечно, Вы заняты дѣломъ государственнымъ; но эти занятія такого рода, что они должны иногда возбуждать желаніе отдохнуть отъ нихъ, занявшись просто-человѣческимъ дѣломъ, *своею* собственною беззаботною мыслію, ея выраженіемъ и ея искреннимъ сообщеніемъ: въ этой мѣнѣ мыслей и чувствъ есть много животворнаго и душеобразовательнаго. Какъ ни привлекателенъ внѣшній міръ, передъ которымъ мы дѣйствуемъ, на широкой ли, на узкой ли сценѣ; но міръ внутренній, міръ

души все его выше: онъ собственно *нашъ*, онъ наша особенная область *здѣсь*, онъ останется нашею собственностію и въ *иной жизни*. Переписка съ тѣми, кто намъ сродни, переноситъ нашу душу въ этотъ внутренній міръ, гдѣ мы тогда и отдыхаемъ въ тишинѣ уединенія и дѣлимъ свое уединеніе безъ всякаго себѣ насилія. Что я Вамъ душею съ родни, это я думаю. Вы всегда мнѣ особенно нравились, и я увѣренъ, что между нами во многомъ былъ бы дѣлежъ радушный теперь, когда Вы начинаете жить, а я стою уже на границѣ жизни и за нее заглядываю, обращая глаза и на длинную, пройденную мною дорогу. Правда, эта дорога была стороннею тропинкою, хотя и прошла черезъ свѣтлый домъ Русскаго Царя; цвѣтовъ опытности я немного на ней собралъ; я не практическій человѣкъ, и въ этомъ отношеніи мои мысли не могутъ для Васъ быть годны на многое. Но думаю, что иное, просто *теоретическое*, услышать отъ человѣка, который, при искренней къ Вамъ любви, привыкъ говорить все *что* думаетъ, *какъ* думаетъ, не имѣя ничего на душѣ, кромѣ добрыхъ намѣреній, могло бы быть полезно для Васъ, если

не по своей наставительности, то по тѣмъ собственнымъ Вашимъ мыслямъ, къ которымъ бы послужило поводомъ.

Я дефинирую *теорію* и *практику* такъ: теорія есть знаніе того, что́ *должно* дѣлать *всегда* и чего не *должно* дѣлать *никогда*; практика есть знаніе того, что́ должно сдѣлать въ *настоящую* минуту или умѣнье *во-время* примѣнять *знаніе* къ *дѣлу*. Вотъ примѣръ: *компасъ* и *карты* на кораблѣ суть теорія; *руль* корабля есть практика. Безъ компаса и карты, какъ бы ни сильно владѣлъ рулемъ капитанъ, его корабль собьется съ дороги. Безъ руля ни компасъ, ни карты ни къ чему не годятся. *Вмѣстѣ* они и руководство и спасеніе для корабля, для капитана и для экипажа. Наше время болѣе нежели какое другое учитъ тому, что безъ твердыхъ, непоколебимыхъ правилъ, которыхъ ни для чего и *никогда* нарушать не должно, и безъ энергической рѣшительности дѣйствовать и знанія какъ дѣйствовать согласно съ этими правилами въ *настоящую* роковую минуту, никакой общественный порядокъ невозможенъ. Безпрестанное пренебреженіе вѣчныхъ правилъ правительствами произвело наконецъ эту германскую революцію, которая не

иное что, какъ взрывъ давно и долго копившейся лавы; а когда произошелъ взрывъ, никто изъ представителей державной власти въ Германіи не нашелся, какъ и куда повернуть рулемъ корабля, ему ввѣреннаго. Кстати или не кстати прибавлю здѣсь еще одно сравненіе. Въ образъ недѣли Божіей, т. е. шести дней созданія, заключившихся седьмымъ днемъ отдохновенія, установлена человѣческая недѣля, измѣряющая стройнымъ ходомъ своимъ бытіе земное. За первымъ днемъ недѣли слѣдуетъ второй, за нимъ всѣ прочіе; изъ этого вѣчнаго хода *впередъ* нельзя украсть и билліонной части мгновенія: понедѣльникъ нечувствительно переходитъ во вторникъ. Что же, если бы кому вздумалось напрячь всѣ усилія, чтобы изъ понедѣльника перескочить въ середу: онъ бы только истерзалъ себя въ напрасныхъ усиліяхъ, сокрушилъ бы свое настоящее, а цѣли своей (по натурѣ ея недостижимой) не могъ бы достигнуть. *Революція*—есть это безумно-губительное усиліе перескочить изъ понедѣльника прямо въ середу. Но и усиліе перескочить изъ понедѣльника назадъ въ воскресенье столь же напрасно, и столь же можетъ быть губительно.

Одно есть революція *впередъ*, другое— революція *назадъ*. Что же совѣтуетъ теорія, которая учитъ тому что́ надлежитъ *всегда* дѣлать? Она говоритъ: *не насильствуй того, чего не прекратишь*; не швыряй понедѣльника черезъ вторникъ въ середу, не тащи его назадъ въ воскресенье. А что говоритъ *практика*? Практика, согласная съ сестрою своею теоріею, зоркимъ взглядомъ различаетъ ту математическую линію, черезъ которую перешагнувъ понедѣльникъ становится вторникомъ, провозглашаетъ громогласно этотъ переходъ, и это громогласное провозглашеніе, опредѣляющее и дѣйствіе ему соотвѣтственное, т. е. дѣйствіе, принадлежащее уже вторнику, а не понедѣльнику, есть *реформа*, во́-время, къ мѣсту, по закону вѣчной Правды.

Все это длинное предисловіе клонится къ тому, что мнѣ было бы весьма радостно получить отъ Вашего Высочества двѣ или три любезныя строчки, которыми Вы и не можете поскупиться, ибо Вы теперь счастливы, а кто счастливъ, тотъ щедръ на подаяніе. Вѣрно, по случаю рожденія Вашего сына, были розданы милостыни убогимъ; въ этой раздачѣ не позабудьте и меня: подарите меня немно-

гими строками, которые будутъ для меня богатымъ капиталомъ.

Въ заключеніе прошу Ваше Высочество принести отъ меня вѣрноподданическое поздравленіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ съ благословеннымъ умноженіемъ ихъ семейства. Я не имѣю еще счастія быть лично извѣстнымъ Государынѣ Великой Княгинѣ: благоволите быть передъ Ея Высочествомъ выразителемъ моего сердечнаго желанія Ей счастія, неразлучнаго съ Вашимъ и сердцу моему драгоцѣннаго.

Жуковскій.

1850, 2 (14) Марта.
Баденъ-Баденъ.

XVIII.

Между послѣднимъ письмомъ, которое я имѣлъ счастіе получить отъ Вашего Императорскаго Высочества и моимъ теперешнимъ прошло довольно времени. Въ Вашемъ письмѣ было трогательное выраженіе того, что́ Ваше сердце чувствовало при рожденіи и крестинахъ Вашего сына. А я теперь приношу Вамъ поздравленіе съ новорожденною дочерью. Примите его съ тѣмъ благосклоннымъ

ко мнѣ чувствомъ, какое всегда я находилъ въ Вашемъ добромъ сердцѣ, и съ полною вѣрою, что я Ваше счастіе считаю за собственное. Мнѣ весьма горестно подумать, что я могъ бы лично раздѣлить съ Вами первыя минуты Вашей новой семейной радости: у меня все было готово къ отъѣзду въ Россію; но за два дни до назначеннаго срока заболѣлъ мой глазъ, и вотъ уже болѣе десяти недѣль, какъ я сижу въ заперти, не могу работать, не могу читать, и какъ Вы видите, пишу карандашемъ, пользуясь машинкою, которую мой изобрѣтательный геній создалъ на случай *сльпоты* и благодаря которой могу писать съ закрытыми глазами. Но много писать и съ машинкою не могу: глаза, не видя, смотрятъ, и это ихъ утомляетъ. Я долженъ и теперь кончить. Если Ваше Высочество не поскупитесь подарить меня радостною, бриліантовою минутою, то Вы напишите мнѣ строки двѣ въ отвѣтъ на мое письмо. То, которое Вы написали мнѣ на рожденіе Вашего сына, есть для меня драгоцѣнная жемчужина. Дайте мнѣ такую же на рожденіе Вашей дочери и притомъ скажите мнѣ, бѣдному сиротѣ на чужбинѣ,

что нибудь о томъ, что̀ у Васъ на Руси около Васъ происходитъ.

Благослови Васъ Богъ со всѣмъ Вашимъ семейнымъ кругомъ.

Жуковскій.

24 Сент. (6 Окт.) 1851.
Баденъ.

2007099080